

Научная статья

УДК 327.8

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-20

EDN: TAPOFI

Институционализированная русофobia как форма политического мифотворчества

Николай Алексеевич Баранов¹, Даниил Евгеньевич Скворцов^{2✉}

¹Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Санкт-Петербург

²Аспирант кафедры менеджмента организации, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

¹nicbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>

²skvortsov_de@voenmeh.ru✉, <https://orcid.org/0009-0001-7971-5337>

Аннотация. В современном мире активно прослеживаются устойчивые тенденции развития русофобии, в том числе в политическом контексте. Политики стран коллективного Запада и Восточной Европы активно используют русофобию как метод искажения исторической памяти, дегуманизации русского народа как этнокультурной и политической общности с целью формирования идеологического обоснования для негативного отношения к России и русским с целью решения своих политических и геополитических задач. Но русофобия является далеко не новым явлением в мировой истории. Цель исследования заключается в анализе феномена русофобии как эволюции представлений, взглядов и убеждений на устойчивые парадигмальные установки восприятия России, русской истории, культуры, традиций, политического, экономического и социального устройства. Русофобия представлена не как статическое явление, а как динамическая прогрессия, трансформация интенций в идеологию, а впоследствии в политическую технологию, применяемую западными странами в гибридной войне против России. В рамках исследования проведена концептуализация русофобии как политической технологии, описаны основные механизмы реализации в рамках существующих политических и общественных институтов. В ходе исследования выявлено, что русофобия обладает всей необходимой и достаточной совокупностью критериев для определения как формы политического мифотворчества, направленной на создание искусственного образа России как агрессивного, экономически неразвитого и культурно отсталого государства посредством подмены фактов и критического восприятия символами, образами-вымыслами с целью дегуманизации и последующего обоснования агрессивной политики по отношению к России.

Ключевые слова: русофобия; политическая технология; политический миф; мифотворчество; вымыслы; институционализация, идеология

© Баранов Н. А., Скворцов Д. Е., 2025

Для цитирования: Баранов Н. А., Сквортsov Д. Е. Институционализированная русофobia как форма политического мифотворчества // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 20–36. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-20>. <https://elibrary.ru/TAPOFI>.

Original article

Institutionalized russophobia as a form of political myth-making

Nikolay A. Baranov¹, Daniil E. Skvortsov^{2✉}

¹Doctor of political sciences, professor at department of international relations, North-West institute of management Russian academy of national economy and public administration, St. Petersburg.

²Post-graduate student at department of management of organization, Baltic state technical university “VOENMEH” named after D. F. Ustinov, St. Petersburg

¹nicbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>

²skvortsov_de@voenmeh.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7971-5337>

Abstract. In the modern world, stable trends in the development of russophobia are actively being traced, including in the political context. The politicians of the countries of the collective West and Eastern Europe are actively using russophobia as a method of distorting historical memory and dehumanizing the Russian people as an ethnocultural and political community in order to form an ideological basis for negative attitudes towards Russia and Russian in order to solve their political and geopolitical problems. But russophobia is far from a new phenomenon in world history. The purpose of the study is to analyze the phenomenon of russophobia as the evolution of ideas, attitudes and beliefs into stable paradigmatic attitudes of perception of Russia, Russian history, culture, traditions, political, economic and social structure. Russophobia is presented not as a static phenomenon, but as a dynamic progression, the transformation of intentions into ideology, and subsequently into a political technology used by western countries in a hybrid war against Russia. The study conceptualizes russophobia as a political technology, describes the main mechanisms of implementation within the framework of existing political and public institutions. The study revealed that Russophobia has all the necessary and sufficient criteria to define it as a form of political myth-making aimed at creating an artificial image of Russia as an aggressive, economically underdeveloped and culturally backward state by substituting facts and critical perception with symbols, images and fictions in order to dehumanize and subsequently justify aggressive policy towards Russia.

Key words: russophobia; political technology; political myth; myth-making; fiction; institutionalization; ideology

For citation: Baranov N. A., Skvortsov D. E. Institutionalized russophobia as a form of political myth-making. *Social and political researches*. 2025;4(29): 20–36. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-20>. <https://elibrary.ru/TAPOFI>.

ных стран играет русофobia – демонизация России на основе исторических, религиозных, идеологических и геополитических корней ненависти, существующих на протяжении многих столетий и актуализирующихся в определенные исторические периоды. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации дано следующее определение русофобии – «неприязненное, предвзятое враждебное отношение к гражданам России, русскому языку и культуре, традициям и истории России, выражющееся в том числе в агрессивных настроениях и действиях политических сил и их отдельных представителей, а также в дискриминационных действиях властей недружественных государств в отношении России» [Стратегия противодействия …, 2024]. Причем русофobia, как отмечает швейцарский журналист и политический деятель Г. Меттан, «обладает сильной геополитической коннотацией и является феноменом, присущим исключительно Западу» [Меттан, 2024, с. 34], так как жители Азии, Африки, арабы, южноамериканцы никогда не были русофобами. Очередной всплеск русофобии ознаменовал несогласие России с навязываемым Соединенными Штатами либеральным миропорядком, отказом признавать западное доминирование и расширение НАТО на восток.

Особенность современной русофобии состоит в том, что прежде на Западе отделяли простых граждан от политики государства, а теперь русских преследуют только за при-

надлежность к русской нации, подвергая санкциям, изымая частную собственность и запрещая русскую культуру. Резкий скачок русофобии быстро распространился по всем западным странам под предлогом их объединения на основе западных ценностей, исследование которых происходит на эмоциональном уровне, вопреки здравому смыслу как следствие ненависти, накопившейся за продолжительное время.

В начале XXI в. Английский политолог Р. Кейган писал: «Если европейцы и американцы смогут когда-нибудь договориться о природе общей угрозы, сотрудничество, наложенное ими во время «холодной войны», не трудно будет возобновить» [Кейган, 2004, с. 157]. К середине второго десятилетия наступившего века такая общая угроза была установлена – это Россия, стремящаяся к великодержавию, игнорирующая правила, установленные американцами взамен международного права, и расширяющая свое влияние на других континентах. Источником конфликта Запада с Россией стали геополитические интересы, инструментом – русофobia, основой – ценностные противоречия.

В последнее время, в том числе вследствие проведения Специальной военной операции на территории Украины и сопутствующих нарратива стран коллективного Запада, тема русофобии стала предметом активного научного дискурса в академической среде. В ходе анализа динамики научных публикаций на тему русофобии в основных

научных базах базовых (РИНЦ, Web of Science, Scopus) автором статьи было выявлено, что количество научных публикаций в рецензируемых научных изданиях за период с 2022 г. По настоящее время в сравнении с периодом 2018–2021 гг. увеличилось на 130 % (Scopus), 150 % (РИНЦ, Web of Science). Важно отметить, что в целях получения релевантных результатов процентное соотношение было рассчитано по анализу ключевых слов (русофобия, «*krussophobia*» и производные данного термина в РИНЦ; русофобия, «*krussophobia*» и антироссийские настроения «*anti-russian sentiment*» (так как данное словосочетание чаще используется в англоязычных базах данных) в Web of Science и Scopus). Необходимо учесть, что научных публикаций, косвенно затрагивающих тему русофобии и/или содержащих упоминания о ней, может быть значительно больше, а также то, что РИНЦ включает в себя индексацию сборников трудов научных конференций, что свидетельствует о росте научометрических показателей у исследователей, пишущих о русофобии.

Теоретические основы исследования

Тема русофобии предметно рассматривается в работах таких отечественных исследователей, как: А. Г. Володин, С. В. Филатов [Володин, 2023], В. В. Дегоев [Дегоев, 2022], К. В. Душенко [Душенко, 2024], П. Л. Карабущенко [Карабущенко, 2024], Н. П. Монина [Монина, 2018], а также ряда других уче-

ных. Среди зарубежных исследователей важно отметить швейцарского политолога Ги Меттана [Меттан, 2024].

Несмотря на многообразие подходов к определению, классификации и дифференциации русофобии, подавляющее большинство исследователей в различных областях научного знания (политические, исторические, социологические науки) сходятся во мнении, что русофобия как феномен существует на протяжении длительного периода времени, имеет многофакторную структуру и в своем онтологическом определении носит ярко выраженный синкретический характер. Как отмечает Ги Меттан, «русофобия – предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к России или к русским, к их обычаям и культуре и даже к русскому языку» [Меттан, 2024, с. 11].

Под русофобией справедливо понимать совокупность негативных интенций по отношению к России, русской культуре и ментальности, а также негативные коннотации в процессе осмыслиения культурного-исторического генезиса России, ее политической истории и роли в современном мире, выраженные посредством идеологического, цивилизационного, культурного и иных форм антагонизма. По мнению П. Л. Карабущенко, «русофобия – это реакция Запада на отказ России подчиниться его geopolитической воле и культурной экспансии и желание сохранить свои культурный суверитет» [Карабущенко, 2024, с. 5].

Методы исследования

Методологическую основу данного исследования составляют: *дискурс-анализ*, в ходе которого были изучены исторические документы и нормативно-правовые акты, высказывания политических деятелей западных стран. В результате анализа было выявлено:

- идеологическая ангажированность рассматриваемых материалов в контексте формирования и распространения русофобских нарративов;
- контент-анализ, в результате которого были изучены журналистские материалы западных СМИ и выявлены устойчивые тенденции в формировании русофобской парадигмы;
- роль СМИ в качестве политического актора в части распространения русофобии;

Институциональный метод, в рамках которого были выявлены основные этапы трансформации предубеждений, взглядов и домыслов о России в последовательную описательную систему, комплексную парадигму восприятия России, впоследствии преобразованную в политическую технологию.

Историко-генетический метод, в ходе которого был исследован феномен возникновения, становления и развития русофобии в контексте исторических (политических) событий, а также была установлена последовательность этапов развития русофобии от момента зарождения феномена до настоящего времени.

Сравнительный анализ, в результате которого путем сопоставления основных критериев и дефиниций было установлено, что русофobia является формой политического мифотворчества и направлена на подмену эмпирически проверяемых фактов, формирующих восприятие России, набором символов и мифологем, с определенными политическими целями.

Кейс-стади, в результате которого были рассмотрены конкретные проявления русофобии как политической технологии в различных сферах жизни общества (экономическая, политическая, социальная, культурная).

Исторические и политические корни русофобии

Аксиологическое противостояние России и Запада имеет глубокие исторические и политические корни. По мнению Ги Меттана, русофobia возникла в эпоху Карла Великого, то есть в VIII в. Нашей эры, а «русофobia как система последовательных представлений появляется уже после раскола 1054 г., когда Православная церковь порвала с Римом. Средневековый Запад начинает воспринимать Киевскую Русь, а затем Московию как чужеродный, еретический и угрожающий мир» [Меттан, 2024, с. 23]. Также нельзя не отметить, что, по мнению Ги Меттана, на формирование русофобии повлияли размер территории и географическое разнообразие российского государства. Аналогичной трактовки причин и периода возникновения русофобии придер-

живаются П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, Л. А. Крыжко, отмечая, что «в целях понимания сущности и эволюции этого (русофобии) феномена следует подчеркнуть, что своими корнями он уходит в XI в., когда произошел раскол в христианстве на католическую (западную) и православную (восточную) церкви» [Пашковский, 2025, с. 39]. По мнению А. Г. Володина и С. В. Филатова, причиной русофобии является антирусская пропаганда польских интеллектуалов вследствие осложнения русско-польских отношений: «русофобия имеет своих исторических «первоходцев». Историческим началом процесса появления и развития русофобии на Западе принято считать конец XV в., а ее альма-матер – Ягеллонский университет в польском городе Кракове» [Володин, 2023, с. 44]. Д. А. Калашаова, А. А. Безрукова и А. К. Тхакушинов полагают, что «русофобия как явление возникло в XV–XVI в. При Иване III Великом, когда началось становление русской национальной государственности» [Калашаова, 2024, с. 104].

Продолжая тему исследования основных вех становления и развития русофобии, важно отметить, что, по мнению Н. П. Мониной, «новым толчком к антироссийской истерии в западноевропейском обществе становятся итоги Отечественной войны 1812 г., когда русских обвинили в явном экспансизме и попытке создания всемирной монархии» [Монина, 2018, с. 72]. Как полагает В. В. Дегоев, «в основе идеологического противо-

стояния времен холодной войны лежали не только несовместимость двух социально-экономических систем, но и русофобия как массовое «историческое» чувство...» [Дегоев, 2022, с. 45]. Последними яркими вспышками русофобии стали воссоединение Крыма с Россией и начало Специальной военной операции.

Опираясь на мнение исследователей, можно прийти к выводу, что причины возникновения, генеалогия и генезис развития русофобии неразрывно связаны с историческими (политическими) событиями в российской и мировой истории. По мнению автора статьи, такой подход к исследованию русофобии является наиболее универсальным, так как, несмотря на дискуссионный характер определения точки отчета, он позволяет проследить основные этапы становления русофобии, трансформацию предубеждений и домыслов в полноценную описательную систему, формирующую идеологию. Также неоспоримым преимуществом данного подхода является тот факт, что он позволяет проследить процесс институционализации русофобии.

Отправной точкой в формировании антагонистических интенций между Россией и Западом справедливо считать церковный раскол 1054 г., но разногласия находились в плоскости религиозных предубеждений и того, что ретроспективно можно определить как глобальную геополитику и не носили персонализированного характера в отношении России и русских как этнокультурной группы или по-

литической общности. Процесс институционализации русофобии как превращения новых, эпизодических практик, новаций и представлений в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени парадигмальные установки и комплексную описательную систему, по мнению авторов статьи, начался с выхода в свет трактата дипломата Сигизмунда фон Герберштейна «Записки о Московии» (1549 г.) [Herberstein, 1549]. До этого момента, несмотря на наличие письменных свидетельств западных путешественников о России (например, работы Паоло Джовио и Иоганна Фабри), на Западе имели крайне смутное представление о русской культуре, традициях, политической и социальной структуре общества. Работа Герберштейна, возможно, наполненная ресентиментом вследствие провала им двух дипломатических миссий в России, впервые содержит комплексное описание политического, экономического, социального и культурного устройства России того периода. «Записки о Московии» можно считать началом институционализации русофобии *по трем причинам*.

Во-первых, представление о России и русских в негативном ключе было впервые сформировано не в виде устного предания, смутного представления вследствие отсутствия информации или отношения в рамках конкретной политической ситуации, а в виде растиражированного текста, содержащего системный подход и опирающегося на «факты» и «эмпирический опыт».

Во-вторых, русофобия впервые была сформирована как комплексная описательная система, включающая в себя негативное представление обо всех сферах жизни российского общества, а не критику отдельных его составляющих (например, в рамках религиозного вопроса). В «Записках о Московии» русские цари описаны как тираны и деспоты, неспособные на выстраивание конструктивного диалога; русская культура представлена отсталой и заимствованной (у Византии); также в книге указано, что неотъемлемой чертой русского человека является рабская природа, присущая исключительно русским. Русская архитектура (зодчество) выставляется архаичным, морально устаревшим, а русские купцы описаны как «нахальные хапуги», с которыми невозможно вести торговлю. Таким образом, Россия, по мнению Герберштейна, – это отсталое и варварское во всех отношениях государство, с которым нельзя иметь никаких дел [Herberstein, 1549]. Примечательно, что такой подход к анализу общественных и политических институтов государства крайне редко можно встретить в мировой истории. Цивилизационные конфликты между Западом и Востоком, локальные войны, в том числе между европейскими странами (например, в контексте Столетней войны справедливо говорить об англофобии и франкофобии), противостояние культур не порождали полноценной идеологии, в рамках которой любая сфера общественной жизни государства и все ее структурные

компоненты выставлены в сугубо негативном свете, начиная с истории возникновения государственности и заканчивая имманентной природой личностных качеств всего населения.

В-третьих, в книге Герберштейна Россия впервые была представлена как «кантиевропа», а взаимоотношения России и Запада рассматривались в рамках логики бинарных оппозиций по принципу: в Европе правильная религия, в России – неправильная; в Европе мудрые правители, в России – деспоты и т. д. Данный трактат переиздавался 13 раз и на долгие годы определил отношение к России и русским в западном мире [Herberstein, 1549].

Первым проявлением институционализированной русофобии в строго политическом смысле (воздействие на политическое поведение людей в политических целях) справедливо можно считать действия шведских, польских и литовских политиков в Ливонской войне (1558–1583). В целях недопущения поддержки странами Западной Европы России в войне с Ливонской конфедерацией, а также провокации внутренней русофобии, они распространяли антирусские пропагандистские нарративы посредством, так называемых «летучих листков» (небольшое печатное издание), в которых писали о зверствах и необразованности русской армии, сопровождая все это устрашающими рисунками. В армии польского короля Стефана Батория была небольшая мобильная типография, с помощью которой он распространял летучие

листки по пути следования своего войска. Впоследствии такая тактика получит названия «памфлетные войны». Сохранилось немало писем польских и литовских дипломатов, в том числе официально опубликованных, повествующих о «русской угрозе» и выставляющих русских непримиримыми врагами западного мира. Как справедливо отмечает М. Б. Бессуднова, «При изучении смыслового наполнения и происхождения концепта “русской угрозы” в рамках российской и зарубежной историографии традиционно используется литовская и немецкая публицистика времен Ливонской войны» [Бессуднова, 2014, с. 145].

Новым витком институционализации русофобии стали политические события XIX в. По мнению К. В. Душенко, «понятие “русофобия” вошло в обиход в Англии в 1836 г.» [Душенко, 2024, с. 38]. После Отечественной войны 1812 г. Российская империя занимала доминирующее положение в Европе. Практически сразу после освобождения Европы возникла русофобская риторика, согласно которой Россия планирует сама захватить все страны, грабит их при освобождении и, что Александр I хуже Наполеона. Последующие десятилетия европейская пропаганда старалась всячески очернить Россию, смеясь ее с поста морального и политического гегемона, что вылилось в очередной русофобский трактат «Россия в 1839 году» [Custine, 1843] маркиза Астольфа де Кюстина, изданный в 1843 г. В книге автор перечисляет все стандартные русофоб-

ские клише того времени, но делает акцент преимущественно на российском политическом устройстве. С точки зрения Де Кюстина, в России существует пирамида рабства, где во главе находится император, и каждый нижестоящий чиновник раболепен перед вышестоящим, и русские люди не способны быть свободными, отвергая свободу на патологическом уровне. Данный факт примечателен тем, что (контексте становления институционализации русофобии) наглядно иллюстрирует страны Запада имеют сформированную парадигму восприятия России как агрессивного, варварского и отсталого государства. Хотя Россия освободила их от завоевания, вернула государственный и культурный суверенитет, это никак не влияет на их картину мира. Даже спасение они воспринимают как что-то негативное, несущее подоплеку и вызывающее недоверие. И более того, пытаются переписать историю и выставить освободителя в негативном ключе. В будущем такая картина еще не раз повторится.

Завершающим этапом институционализации русофобии стала Холодная война между СССР и США (1946–1991). В рамках политико-идеологического противостояния между капиталистической и коммунистической идеологией, между двумя сверхдержавами русофобия стала важнейшей политической технологией противодействия СССР. Именно на этом этапе появился образ «плохого русского» (важно подчеркнуть, именно «русского», а не «советского»), который активно насаждался посредством американ-

ской пропаганды и массовой культуры. На этом этапе Россия стала восприниматься западным миром не как «потенциальная угроза», не как отсталая страна с чуждой культурой, не как другой полюс в цивилизационном противостоянии, не как идеологический оппонент (хотя, безусловно, все это присутствовало), а как враг, с которым нужно бороться здесь и сейчас. И русский человек стал восприниматься не как субъект иной ментальности и культуры (в безусловно негативном ключе), не как нечто опасное, то, чего нужно опасаться и с чем нужно бороться.

Высший американский политический истеблишмент буквально называл Советский Союз «Империей зла». Русофобия как идеология и русофобия как политическая технология всегда носили взаимопроникающий характер, были своего рода сообщающимися сосудами, но именно на этом этапе они слились воедино, образовав комплексную систему, включающую в себя не только набор идеологем, но и последовательную совокупность действий. Важно отметить, что с окончанием Холодной войны русофобия и ее институциональный характер никуда не исчезли. Это подтверждает тот факт, что в Стратегии национальной безопасности США (СНБ-91) [The White House …, 1991], обнародованной в 1991 г., формулировки «советская угроза» были заменены на «потенциально русская угроза».

Перечисленные примеры являются далеко не единственными всплесками русофобии в истории

взаимоотношений России и Запада, но именно они наглядно иллюстрируют процесс институционализации русофобии, ее трансформации в политическую технологию.

Всплески русофобии, а также развитие и усиление ее институционализации неразрывно связаны и являются прямым следствием политических событий. В новейшее время такими событиями стали воссоединение Крыма с Россией и проведение Специальной военной операции на территории Украины.

Важно понимать, что институционализация русофобии является искусственным, управляемым процессом. Превращение идеологии в политическую технологию всегда осуществляется посредством определенного набора форм, методов и средств преобразования (использования) идеологем в политических целях. Рассмотрим основные механизмы институционализации русофобии как политической технологии на примере текущих событий.

Механизмы институционализации русофобии

Средства массовой информации. В западных СМИ давно процветает антироссийская риторика. Еще в 2015 г. Американский журналист Д. Басульто отмечал, что «западные издания используют несколько шаблонных приемов, чтобы изобразить в своих публикациях Россию как отсталую и агрессивную державу» [Американский журналист ... , 2016]. Но в связи с актуальными политическими событиями степень русофобии значительно возросла. Западные СМИ активно

пытаются создать образ России как агрессора, при том в экономическом, политическом и военном плане слабого государства, с которым нельзя сотрудничать и от которого нужно защищаться. Подобные публикации не преследуют цель объективного освещения событий и являются лишь элементами политической пропаганды. Порой попытки очернить Россию и представить её как врага доходят до абсурда. В частности, в июне 2025 г. В Великобритании ряд изданий выпустили статьи о том, что Россия готовит секретное климатическое оружие для того, чтобы затмить солнце над Великобританией [Putin's stealing our sunshine ... , 2025]. Аналогичным инструментом пропаганды являются высказывания представителей западной политической элиты, в том числе глав государств в публичном политическом поле. В частности, верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Кая Каллас, известная своими русофобскими высказываниями, выступая в Европарламенте 18 июня 2025 г. заявила, что «Россия – это не только угроза Европе, но и 360-градусная угроза миру, угроза глобальной безопасности» (Прибалтийские потуги: Кая Каллас сказала глупость про Россию и 360 градусов // Комсомольская правда. 19.06.2025. URL: <https://www.kp.ru/daily/27714/5102764/> (дата обращения: 13.07.2025)). Президент Франции Эммануэль Макрон в своем обращении 6 марта 2025 г. заявил,

что «Россия – угроза для всего Евросоюза, а потому Париж начнет дискуссии о возможности взять ЕС под защиту французских ядерных сил сдерживания» [Русофобские выпады …, 2025]. Данные проявления русофобии направлены в первую очередь на решение *двух политических задач*: отвлечение западного общества от своих внутренних проблем и “Casus belli”, обоснование агрессивной политики по отношению к России.

Экономическая политика. С 2014 г., после воссоединения Крыма с Россией, страны коллективного Запада ввели в отношении России санкции. После начала проведения Специальной военной операции в 2022 г. Попытки санкционного давления на российскую экономику заметно усилились. Всего с 2014 г. В отношении России было введено более 28 тысяч санкций [Путин: против …, 2025], с 2022 г. Было принято 19 «пакетов» санкций. Санкции справедливо рассматривать как проявление исключительно политической технологии, направленной на оказание политического давления, так как хоть формально данное явление находится в экономической плоскости, но не несет в себе никакой экономической рациональной составляющей. Поскольку никто из участников процесса не извлекает никакой экономической выгоды, и по той причине, что ряд западных стран находится в зависимости от США и не может проводить самостоятельную внешнюю политику, они голосуют за принятие санкций, которые им совершенно не

выгодны и наносят ущерб их экономике, поэтому они нарушают санкции или соблюдают их сугубо формально, в том числе с использованием параллельного импорта. Также санкции справедливо рассматривать как проявление русофобии, поскольку, хотя санкции и вводились ранее в отношении других стран, в частности, против Исламской Республики Иран, но в отношении России они носят систематический, устойчивый и беспрецедентный характер. Санкции корректно рассматривать как русофобию еще и по той причине, что формальным поводом для их введения стало «проявление агрессии», но, когда другие страны действительно проявляли агрессию, например, США регулярно использует свои вооруженные силы (в частности, война в Афганистане (2001), вторжение в Сирию (2014), бомбардировки территории Исламской Республики Иран (2025)), никаких санкций введено не было.

Правовое поле. В ряде западных стран русофobia была официально закреплена в рамках правового поля. Более того, русофобские законы можно подразделить на *две категории*. *Первая* – направлена на дискриминацию граждан России, находящихся в юрисдикции западных стран. В частности, лишение гражданства под различными предлогами (Латвия), запрет на въезд, в том числе с шенгенскими визами (Эстония), конфискация имущества (Эстония), уголовное преследование за поддержку Специальной военной операции (Литва) и т. д. *Вторая ка-*

тегория направлена на борьбу со всем русским, дискриминацию русского языка, русской культуры, русской истории. Сюда можно отнести законы о запрете преподавания русского языка в школах (а также русских школ), закрытии русскоязычных СМИ, запрете демонстрации российской государственной символики, сносе советских памятников воинам-освободителям и многие другие, принятые в последнее время в странах Прибалтики. Важно отметить, что русофобия в юридической плоскости проявляется не только в непосредственно русофобских законах, но и в преследовании россиян (в ряде случаев граждан собственных стран), за поддержку России и критику вышеперечисленных законов, а также отсутствие преследования за русофобскую риторику и разжигание ненависти к России.

Культура. «Отмена» русской культуры, то есть исключение как уже существующей культуры, так и происходящих в настоящее время культурных процессов России из мирового культурного пространства, в странах коллективного Запада также может быть рассмотрена как проявление институционализированной русофобии как политической технологии. Это подтверждается тем фактом, что «отмена» русской культуры (запрет на издание русскоязычной литературы, отмена театральных постановок русскоязычных авторов, запрет России участвовать в международных кинофестивалях, музыкальных конкурсах, спортивных мероприятиях и т. д.) обусловлена не отсталостью русской культуры по сравнению с

западной. В данном контексте речь не идет о том, что Достоевский хуже Хемингуэя, или что русские спортсмены не могут выступать на одном уровне с западными. Речь идет об изоляции России от мировой культуры как формы политического давления, своего рода стигматизации, направленной на как бы исключение России из мировой общественной жизни и формирование образа изгоя.

Наука. Русофобия в научных публикациях зарубежных авторов также не является чем-то новым. Своими «научными» исследованиями некоторые представители западной академической среды активно продвигают русофобские концепции в научном дискурсе. В частности, американский историк Т. Снайдер утверждает, что «Россия – “империя лжи”, стремящаяся разрушить западные ценности» [Snyder, 2018, р. 123]. Американский политолог Э. Эпплбаум пишет о том, что «Россия – угроза, которая стремится изменить мир на уровне идеологии, потому что больше не может менять мир на военном уровне» [Applebaum, 2021, р. 54]. Научные спекуляции такого рода являются ярким примером институционализированной русофобии, так как они изначально носят политически ангажированный характер (зачастую такие исследования финансируются политическими акторами) и создаются не в рамках научной работы и не с целью получения научных результатов, а в политических целях. Они направлены на обоснование ненависти и неприязни к России с «научной» точки зрения.

Институционализированная русофobia как форма устойчивого негативного восприятия всего, что связано с Россией, в современных реалиях активно используется как политическая технология, направленная на решение конкретных политических и геополитических задач. Важно подчеркнуть, что данная технология носит манипулятивный характер, так как направлена на формирование искаженного образа России, являясь формой политического мифотворчества. Как справедливо отмечает Е. Л. Яковлева, «искусно и искусственно созданные политические мифы скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности...» [Яковлева, 2011, с. 39].

Русофobia как форма политического мифотворчества

Политическое мифотворчество – это форма политического сознания, в котором знание и понимание политических фактов заменено образами, интерпретацией, символами, вымыслами, легендами и верой в них.

Можно выделить следующие основные критерии политического мифотворчества:

- абстрактность;
- выделение ведущих символов;
- многозначность интерпретационного потенциала;
- опора на архетип;
- убежденность социального субъекта в истинности мифа.

Рассмотрим феномен институционализированной русофобии как политической технологии в соответствии с данным критериями.

Русофobia является абстрактным явлением в том смысле, что ее основные интенции не конкретизированы, они носят заведомо обобщенный характер по принципу «все русские плохие», «Россия “империя зла”» и т. д. Политический миф в своей содержательной части не апеллирует к фактам и доказательствам, которые всегда требуют конкретики, системного и предметного подхода; он строится на создании искаженного иррационального восприятия, носящего заведомо абстрактный, умозрительный характер.

Русофobia как и любая другая форма политической мифологии оперирует символами, знаками и нарративами, которые в концентрированной форме передают негативное отношение к России и русским. Например, «водка» как символ пьянства, «балалайка» как символ дремучей отсталости, «медведь» как символ агрессивности и т. д. В рамках образного мировосприятия формируются не логические цепочки, а эмоциональные триггеры, призванные вызвать конкретные эмоции и ассоциации, и поэтому тот факт, что согласно актуальным данным Всемирной организации здравоохранения Россия занимает 27 место в мире по потреблению алкоголя [Рейтинг стран..., 2023], а так же то, что «медведь» в российской символике имеет иное значение и балалайка является не только русским, но и белорусским народным инструментом, в рамках конструирования политического мифа не играет никакой роли.

Многозначность интерпретационного потенциала как свойство политического мифа наглядно демонстрирует манипулятивный характер русофобского нарратива. В рамках сконструированного мифа одни и те же действия, события и явления могут иметь различную, в том числе полярную оценку, так как их интерпретация осуществляется не на основании анализа фактов и причинно-следственных связей между ними, а на основе искусственно заданного вектора восприятия, допускающего множество трактовок без опоры на факты и логику. Например, когда Россия использует свои вооруженные силы, это воспринимается как «агрессия», «вторжение» и «нападение», а когда США используют свои вооруженные силы, то это «защита демократии и свободы» и «борьба за свои интересы».

Опора на архетипы играет ключевую роль при формировании и распространении русофобии, поскольку архетипические образы обладают глубоким эмоциональным воздействием и легко встраиваются в политические нарративы. Архетипы, как устойчивые образы и концепции, активно используются для создания искаженного восприятия России. Например, архетип варварского государства (империя зла), архетипические образы русских как пьющей нации, склонной проявлять насилие и т. д. Еще одной функцией архетипа является упрощение сложных политических явлений до понятных и простых для эмоционального восприятия концептов. Например, не применение вооруженных

сил для защиты своих национальных и отстаивания своих геополитических интересов, с учетом политического бэкграунда, действий третьих лиц и изменений в глобальной политике, а проявление агрессии.

Русофobia как форма политического мифотворчества базируется в первую очередь на убежденности субъекта в истинности данной концепции. Поскольку русофobia является полностью догматической смысловой конструкций, не имеющей никакого отношения к объективной реальности, ее основные тезисы не могут быть доказаны эмпирическим путем, не могут быть подкреплены фактами и не являются следствием проведения логических операций. Иными словами, русофобию невозможно «доказать», так как миф по определению не лежит в плоскости доказывания; в истинности мифа можно только убедить. Убедить посредством создания образов, символов, архетипов, а также используя другие составные элементы конструирования политических мифов.

Заключение

В заключение важно отметить, что русофobia прошла сложный генезис в развитии от стихийных и бесструктурных вспышек тех и иных форм агрессии по отношению к России, связанных с историческими (политическими) событиями до управляемой трансформации (институционализации) совокупности интенций, представлений и убеждений в последовательные описательные системы, устойчивые практики и идеологию, формирующие парадигмальные установки в отношении России на уровне

реализации политическими и социальными институтами западных стран своих основополагающих функций и являющейся политической технологией. В процессе анализа основных механизмов создания и реализации политических мифов можно прийти к выводу, что институционализированная русофобия является формой политического мифотворчества. Данная форма направлена на

искажение рационализации и восприятия культурно-исторического генезиса России, роли в истории и современном мире посредством искусственно сконструированного образа России на основе политических мифов, символов и образов; подмены эмпирических фактов, понятий и definicijий мифологической интерпретацией русской истории, культуры и политики.

Библиографический список

1. Американский журналист рассказал о русофобских приемах в СМИ // РИА Новости. 19.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160719/1471579291.html> (дата обращения: 13.07.2025).
2. Бессуднова М. Б. «Русская угроза» в ливонской орденской документации 80-х и начала 90-х гг. XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1(15). С. 144–156.
3. Володин А. Г. Русофобия: корни и крона / А. Г. Володин, С. В. Филатов // Междунородная жизнь. 2023. № 4. С. 40–57.
4. Дегоев В. В. Краткий курс истории британской русофобии // Междунородная жизнь. 2022. № 9. С. 30–47.
5. Душенко К. В. «Русофобия» в ряду прочих фобий и маний: из истории политического языка: монография. Москва: ИНИОН РАН, 2024. 199 с.
6. Калашаова Д. А. Истоки русофобии: к вопросу о социально-политической культуре межгосударственных отношений / Д. А. Калашаова, А. А. Безрукова, А. К. Тхакушинов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 3. С. 102–111.
7. Карабущенко П. Л. Русофобия: история одной химеры : монография. Москва : ИНФРА-М, 2024. 327 с.
8. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке / Пер. с англ. А. Смирнов. Москва : Дом интеллектуальной книги; РОССПЭН, 2004. 160 с.
9. Меттан Ги. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Москва : АСТ, 2024. 448 с.
10. Монина Н. П. Идеология русофобии: духовно-исторические истоки формирования // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 70–73.
11. Пашковский П. И. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, Л. А. Крыжко // Регионология. 2025. № 1. С. 33–47.
12. Путин: против России введено 28 595 санкций – как прежде, уже не будет // Фонтанка. 18.03.2025. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/18/75235316/> (дата обращения: 13.07.2025).
13. Рейтинг стран мира по уровню потребления алкоголя // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-alcohol-consumption> (дата обращения: 13.07.2025).

14. Русофобские выпады Франции: президент Макрон делает ставку на войну // Новости 1 канал. 06.03.2025. URL: <https://www.1tv.ru/news/2025-03-06/503269>
[rusofobskie_vypady_frantsii_president_makron_delaet_stavku_na_voynu?ysclid=mc87wetdt0456655461](https://www.1tv.ru/news/2025-03-06/503269) (дата обращения: 13.07.2025).
15. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации от 28 декабря 2024 года №1124. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310699199> (дата обращения: 13.07.2025).
16. Яковлева Е. Л. Технология политического мифотворчества // Вестник Поволжского института управления. 2011. № 4. С. 38–42.
17. Applebaum A. The Autocrat’s New Playbook // The Atlantic. 2021. Vol. 327. No. 2. P. 50–63.
18. Custine, Astolphe de. La Russie en 1839. 4 vols. Paris: Amyot, 1843.
19. Herberstein, Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Vienna: Michael Zimmermann, 1549.
20. Putin’s stealing our sunshine... the dark side of British propaganda // Strategic culture. June 20, 2025. URL: <https://strategic-culture.su/news/2025/06/20/putins-stealing-our-sunshine-dark-side-british-propaganda/> (дата обращения: 13.07.2025).
21. Snyder T. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York : Tim Duggan Books, 2018. 368 p.
22. The White House. National Security Strategy of the United States. Washington, DC: U. S. Government Printing Office, 1991.

Reference list

1. Amerikanskij zhurnalista rasskazal o rusofobskih priemah v SMI = American journalist spoke about Russophobic techniques in the media // Ria Novosti. 19.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160719/1471579291.html> (data obrashhenija: 13.07.2025).
2. Bessudnova M. B. «Russkaja ugroza» v livonskoj ordenskoj dokumentacii 80-h I nachala 90-h gg. XV v. = “Russian threat” in the Livonian order documentation of the 1480s and early 1490s // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1(15). S. 144–156.
3. Volodin A. G. Rusofobia: korni I krons = Russophobia: roots and crown / A. G. Volodin, S. V. Filatov // Mezhdunarodnaja zhizn’. 2023. № 4. S. 40–57.
4. Degoev V. V. Kratkij kurs istorii britanskoj rusofobii = A short course on the history of British Russophobia // Mezhdunarodnaja zhizn’. 2022. № 9. S. 30–47.
5. Dushenko K. V. «Rusofobia» v rjadu prochih fobij I manij: iz istorii politicheskogo jazyka = “Russophobia” among other phobias and mania: from the history of the political language: monografija. Moskva : INION RAN, 2024. 199 s.
6. Kalashaova D. A. Istoki rusofobii: k voprosu o social’no-politicheskoy kul’ture mezhgosudarstvennyh otnoshenij = The origins of Russophobia: to the question of the socio-political culture of interstate relations / D. A. Kalashaova, A. A. Bezrukova, A. K. Thakushinov // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. 2024. № 3. S. 102–111.
7. Karabushhenko P. L. Rusofobia: istorija odnoj himery = Russophobia: the story of one chimera : monografija. Moskva : INFRA-M, 2024. 327 s.
8. Kejgan R. O rae I sile: Amerika I Evropa v novom mirovom porjadke = On Paradise and Strength: America and Europe in a New World Order / Per. S angl. A. Smirnov. Moskva : Dom intellektual’noj knigi; ROSSPJeN, 2004. 160 s.

9. Mettan Gi. Zapad – Rossija: tysjacheletnjaja vojna. Istorija rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa = West – Russia: a thousand-year war. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis Moskva : AST, 2024. 448 s.
10. Monina N. P. Ideologija rusofobii: duhovno-istoricheskie istoki formirovaniya = Ideology of Russophobia: spiritual and historical origins of formation // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2018. № 3. S. 70–73.
11. Pashkovskij P. I. Rusofobia kak ussian sovremenennogo geopoliticheskogo protivoborstva: global'noe I regional'noe izmerenija = Russophobia as a component of modern geopolitical confrontation: global and regional dimensions / P. I. Pashkovskij, E. V. Kryzhko, L. A. Kryzhko // Regionologija. 2025. № 1. S. 33–47.
12. Putin: protiv Rossii vvedeno 28 595 sankcij – kak prezhde, uzhe ne budet = Putin: 28,595 sanctions have been imposed against Russia – as before, it will no longer be // Fontanka. 18.03.2025. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/18/75235316/> (data obrashhenija: 13.07.2025).
13. Rejting stran mira po urovnu potreblenija alkogolja = Ranking of countries in the world in terms of alcohol consumption // Gumanitarnyj portal. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-alcohol-consumption> (data obrashhenija: 13.07.2025).
14. Rusofobskie vypady Francii: ussian Makron delaet stavku na vojnu = France's Russophobic attacks: President Macron bets on war // Novosti 1 kanal. 06.03.2025. URL: https://www.1tv.ru/news/2025-03-06/503269_rusofobskie_vypady_frantsii_president_makron_delaet_stavku_na_vojnu?ysclid=mc87wetdt0456655461 (data obrashhenija: 13.07.2025).
15. Strategija protivodejstvija jekstremizmu v Rossijskoj Federacii ot 28 dekabrya 2024 goda №1124 = Strategy to counter extremism in the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310699199> (data obrashhenija: 13.07.2025).
16. Jakovleva E. L. Tehnologija politicheskogo mifotvorchestva = Technology of political myth-making // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija. 2011. № 4. S. 38–42.
17. Applebaum A. The Autocrat's New Playbook // The Atlantic. 2021. Vol. 327. No. 2. P. 50–63.
18. Custine, Astolphe de. La Russie en 1839. 4 vols. Paris : Amyot, 1843.
19. Herberstein, Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Vienna: Michael Zimmermann, 1549.
20. Putin's stealing our sunshine... the dark side of British propaganda // Strategic culture. June 20, 2025. URL: <https://strategic-culture.su/news/2025/06/20/putins-stealing-our-sunshine-dark-side-british-propaganda/> (data obrashhenija: 13.07.2025).
21. Snyder T. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York : Tim Duggan Books, 2018. 368 p.
22. The White House. National Security Strategy of the United States. Washington, DC: U. S. Government Printing Office, 1991.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 19.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 19.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025